

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Песах Амнуэль Летящий орел

1

«Геркулес» не вернулся на Землю.

Рейс был нетрудным — Яворский летел к оранжевому карлику Росс-154, чтобы заменить устаревшее оборудование наблюдательной станции. Он выполнил задание и стартовал к Земле, но где-то в пути, когда звездолет вошел в сверхсветовой режим, отказали генераторы Кедрина.

Это была чистая случайность — один шанс из миллиона, и Базиола, знавший Яворского много лет, не мог примириться с его нелепой гибелью. Одним из первых кибернетик прилетел на Лонгину — планету, существование которой Яворский предсказал задолго до своего последнего рейса.

Базиола программировал Передачу. А вчера с последним рейсом на Базе появился Надеин.

Базиола быстро ходил по комнате, от окна к окну — от голубого, смягченного фильтрами пламени Альтаира к зеленому ковшу Лонгины. Пожалуй, он слишком самоуверен, этот драматург, этот Андрей Надеин, знаменитый автор «Диогена» и «Столетия крестов». Он, видите ли, написал новую пьесу. Пьесу о Яворском, о Киме, и он хочет, чтобы Базиола посмотрел запись. Ведь Базиола близко знал капитана «Геркулеса». Помилуйте, обсуждать пьесу сейчас, за неделю до Передачи! Но драматург был настойчив, он умел убеждать.

Базиола посмотрел пьесу. Кибернетик раздражен, он злится на драматурга, выбравшего для обсуждения такое горячее время, и злится на себя, потому что Яворский в пьесе ему нравится. Это не Ким, это другой человек, символ, герой. Но есть в нем своя логика, его гибель неожиданно приобрела смысл. Надеин не верил в случайности и убеждал всей силой писательского мастерства: капитан «Геркулеса» непризнанный гений, люди не понимали его, потому что его идеи казались не то чтобы слишком смелыми, но просто ненужными современной науке. Яворский у Надеина и сам относился к своим идеям очень беспечно. Нравился ему лишь процесс движения мысли, а не результат.

Ким не был таким, и последнюю картину пьесы Базиола смотрел с нарастающим раздражением. Он видел космонавта, совершавшего подвиг ради своей мечты, но Яворский, живой Яворский, которого знал Базиола, не мог быть этим космонавтом.

«Геркулес» приземлился в долине неподалеку от станции. На планете была вечная зима, и драматург намеренно сгустил краски: в районе приземления не прекращались ураганы. В просветы туч Яворский редко видел солнце — тусклую багровую звезду в пятнах.

Смена оборудования была делом не очень сложным. Работа приближалась к концу, когда с Земли поступила сводка новостей — ежемесячный бюллетень для внеземных станций. Приемники «Геркулеса» записали лазерную передачу, и Яворский посмотрел ее после утомительного дня. Экспедиция к Альтаиру на звездолете «Ахилл», говорилось в сводке, достигла цели. Открыта большая планета, на которой корабль и совершил посадку.

Планету назвали Лонгиной, по имени астронома экспедиции. Состав атмосферы — азот с небольшой примесью инертных газов. Лонгина оказалась безжизненной — только скалы, горы, пропасти...

Передача с «Ахилла» обрывалась на середине фразы и не была повторена. Что-то произошло в системе Альтаира, решили на Земле. Готовится вторая экспедиция, она стартует через тринадцать месяцев на звездолете «Корсар».

Яворский ходил по каюте, смотрел в слепой от пурги иллюминатор, еще и еще раз слушал сообщение «Ахилла». Он понял, что случилось в системе Альтаира. В начале передачи, когда сообщили состав атмосферы Лонгины, Яворскому стало ясно, что «Ахилл» погибнет. Это была его планета. Лонгина. Планета-лазер. Его идея.

Надеину хорошо удалась последняя сцена. Человек сделал открытие. Ему не поверили, да и сам он считал свою идею игрой ума, и только. Но неожиданно идея обретает плоть, становится реальностью. Нужно возвращаться, успеть на Землю до того, как уйдет к Альтаиру вторая экспедиция. Предупредить ее. Лететь с ней. Он должен стартовать немедленно. Если форсировать работу генераторов, он успеет, он будет на Земле еще до отлета «Корсара».

Яворский заканчивает сборку станции и стартует к Солнцу. Входит в сверхсветовой режим, но скорость нарастает медленно, звездолет вернется на Землю, когда «Корсар» уже будет в пути, его не догонишь, другие люди исследуют планету, предсказанную им, Кимом. Другие — не он. Нужно успеть. Генераторы работают на пределе...

Финал. Синее-зеленое небо Земли и голос, то ли самого Надеина, то ли актера, играющего Яворского: он погиб не случайно, он погиб потому, что не успел догнать свою мечту...

Что произошло на самом деле?

Базиола долго думал об этом. Он ведь был в комиссии, расследовавшей причины гибели «Геркулеса». Надеин чудовищно ошибается в оценках, но в одном он прав: официальный подход к трагедии Яворского не позволил выяснить истину.

Драматург утверждает: Ким был не только мечтателем, но и чело веком действия. Надеин — хороший писатель, он не придумывая характера, он восстановил его, исходя из опубликованных документов о жизни Яворского. Надеин показал: Яворский не мог быть иным. Он не прав. Яворский был иным. Бессмысленный героизм — нет, это не для Яворского.

А если подойти с другого конца? Базиола знал Кима. Мог вспомнить шаг за шагом его поступки, его желания, его жизнь. И дальше — из модели характера вывести модель ситуации.

Кибернетик закрыл глаза, задумался.

2

— Пьеса не документ, — сухо сказал Надеин.

— В пьесе все очень убедительно, — ответил кибернетик. — Даже я поверил, что ваш Яворский мог погибнуть, когда форсировал работу генераторов, стремясь успеть к старту «Корсара». Заметьте, я говорю — *ВАШ Яворский*. А я хочу понять, что произошло с Кимом на самом деле. В жизни ваш финал хорош для спектакля, но на самом деле этого быть не могло. Как бы ни торопился Ким, он вряд ли мог рассчитывать, что поспеет к отлету «Корсара». Он ведь не знал, что экспедицию отложили, что на Земле вспомнили о его работах. И еще. У вас Яворский — мечтатель. Смысл его жизни — генерировать идеи. Для романтика такого типа ваш финал возможен: пойти на любой риск, чтобы увидеть осуществленной одну из своих идей. Но Ким не был таким.

Базиола умолк. Да, именно Яворский предсказал открытие Лонгины. Первым об этом вспомнил он, Базиола. Кибернетик явился на заседание комитета, готовившего спасательную

экспедицию к Альтаиру, и попросил ознакомиться с оттисками студенческих еще работ Яворского.

Одна из этих работ была посвящена возможности планеты-лазера. Статья объясняла случай с «Ахиллом» до мельчайших подробностей, хотя появилась в печати задолго до старта звездолета.

«Ахилл» погиб — теперь в этом не было сомнений. Вторую экспедицию к Альтаиру отложили. Она стартовала лишь два года спустя — не маленький отряд из восьми человек, а целая эскадрилья: двести человек экипажа, десять научных станций.

Яворского в то время уже не было в живых. Ему воздвигли памятник, его работы издали отдельной книгой, его идеи стали предметом научных дискуссий. Идея звезд-машин. Идея Лонгины. Идея первой галактической Передачи человечества — Передачи, которая состоится через неделю.

Базиола усмехнулся, посмотрел на драматурга: сейчас, когда Яворского считают героем-первооткрывателем, трудно убедить Надеина в том, что настоящий Ким не был романтиком.

— Я должен идти, — сказал Базиола. — Через десять минут просмотр программ. Ночью я кое-что вспомнил и записал. Вот капсула, посмотрите. Я начал с дискуссии в институте, когда впервые увидел Кима. Все столики в зале были заняты, и я остановился на пороге...

3

Базиола вошел в зал и остановился на пороге. Все столики были заняты, и ребята с навигационного сидели на полу в позах индусских факиров.

— Дискуссия «Эффект ускорения света Кедрина и возможности межгалактических полетов», — провозгласил ведущий.

Первым выступал, как и следовало ожидать, один из теоретиков. Базиола узнал его — это был Карлидзе с последнего курса, его дипломная была посвящена частным вопросам эффекта Кедрина. Тихо и рассудительно он заговорил о том, что от увеличения скорости света можно еще ожидать многих чудес. Речь ведь идет об изменении мировых постоянных, а то и всех законов Вселенной. Именно этого хотят теоретики, однако они не собираются впадать в мистику, как некоторые контактисты, и утверждать, что черное — это белое.

— Почему же? — тихо сказал голос из угла. Карлидзе запнулся, посмотрел в сторону говорившего. — Почему же? — повторил голос, и Базиола увидел его обладателя. Из-за столика поднялся белобрысый паренек в вязаной куртке пилота. — Если нужно будет доказать, что черное и белое равносильны, теоретики это сделают.

— Ну, Ким, — усмехнулся Карлидзе, — тебя занесло.

Ким вышел к экрану, взял световую указку и попросил притушить свет. Экран выплыл из полумрака сиреневым прямоугольником, зал затих. Через минуту дело было сделано: Ким в заключение соединил черное с белым тремя черточками тождества.

Вспыхнул свет, и Базиола увидел грузную фигуру академика Басина, декана теоретического факультета, там, откуда только что слышен был голос Кима. Сам же паренек пробирался к своему месту, его хлопали по спине, что-то кричали, смеялись, он вертел головой, отвечал вполголоса, мягко улыбаясь.

— Погодите, — сказал академик, и сразу стало тихо. — Почему я вас не знаю, молодой человек?

Молодой человек остановился на полпути и начал краснеть. Он стоял недалеко от Базиолы, и тому показалось, что Ким сейчас с удовольствием залез бы под стол.

— Это Яворский с навигационного, — пояснил Карлидзе. — Второй курс, да. Верблюд?

— Верблюд, — добродушно повторил академик. — Преобразование с бинарными множителями — это вы хорошо придумали, свежая идея. Завтра зайдите, пожалуйста, ко

мне...

Через несколько дней Базиола увидел Яворского в машинном зале. Белобрысый паренек стоял в дверях, загородив проход, и слушал, как Базиола зачитывает машине лабораторную программу.

— Войдите, — предложил Базиола.

Яворский молча кивнул на световое табло «Не входить. Идут занятия».

— Люблю нарушать инструкции, — сказал Базиола и погасил надпись.

Ким нехотя подошел к пультам.

— Вы были у Басина? — спросил Базиола.

— Был, — коротко ответил Яворский.

— Мне понравился ваш софизм, — заявил Базиола, — я с трудом нашел ошибку. Что вам сказал Басин — не секрет?

Яворский поморщился:

— Предложил перейти на теоретический. В его группу.

— Здорово! — свистнул Базиола.

— Я отказался.

Базиола удивленно вскинул брови. Он отказался! Сам Басин хочет работать с ним, а он, видите ли, отказался.

— Почему?

— У меня идеальное здоровье, — сказал Яворский, полагая, что все объяснил. — Не хочу мешать, — продолжал он, не давая Базиоле времени задать новый вопрос. — У меня к вам дело. Вы на пятом? Хорошо. Вы свободны сегодня после шести? Завтра я уйду в тренировочный к Венере, а мне не хочется терять время, поэтому...

— В шесть у памятника Королеву, — предложил Базиола.

Яворский кивнул и отступил в коридор. Сказал, посмотрев на табличку у входа:

— Надпись не гасите. Влетит.

— Ким, — сказал Базиола, — ты хочешь, чтобы я посчитал?

— Да, — Яворский смутился, — ну, хотя бы часть.

— Не думаю, что выйдет даже часть, — признался Базиола. — Кедрину на Марсе понадобился «Демокрит» и семнадцать лет, чтобы доказать свой принцип ускорения света.

— Я ничего не хочу доказывать, только проверить. По-моему, это логично, В недрах очень плотных звезд — их называют нейтронными — силы ядерного притяжения могут образовывать из элементарных частиц цепочки, нейтронные молекулы. Так чем же плоха мысль: нейтронная молекула способна хранить записанную в ней информацию, во всяком случае, не хуже, чем ДНК. А по-моему, даже лучше — ведь в нейтронной молекуле больше частиц при меньшем объеме! Ты видишь, Джун, нейтронную звезду можно ЗАПРОГРАММИРОВАТЬ как идеальную вычислительную машину с невероятной памятью и скоростью счета. Звезды — сами звезды — станут работать на людей. Понимаешь, Джун? Но... это ведь надо проверить...

Яворский помолчал и неожиданно сказал просящим тоном:

— Ты считаешь? Первичную программу я составил, а завтра мне лететь...

— Хорошо, — сказал Базиола. Безнадежная затея, но Базиоле нравилось упрямство Верблюда.

Через месяц после разговора у памятника Королеву на световом табло появилась надпись: «Второй курс. Завершен тренировочный полет эскадрильи планетолетов „Гемма“. Оценка — отлично».

Сам Базиола не мог похвастать такой оценкой. Он получил замечание от куратора за то, что не сдал в срок лабораторных расчетов и зря тратит машинное время. Куратор был прав: ничего путного из затей Верблюда не получалось, но Базиола просто не мог оставить расчет на середине. Он даже не мог сказать, что его увлекла идея звезд-машин, ему хотелось

докопаться

— не до идеи, а до самого Верблюда.

Яворский пришел к Базиоле вечером, рассказал о полете, о штучках, которые устраивал у Венеры куратор, о том, как ему, Яворскому, пришлось около двух недель проболтаться в космосе на неисправном корабле. За неисправность отвечали техники с кораблей сопровождения, и это была хорошая неисправность, Ким нашел ее только на тринадцатые сутки, а потом двое суток исправлял.

Верблюд ни словом не обмолвился о своей просьбе, и Базиола тоже говорил на посторонние темы. Они ели виноград, болтали. Базиола вспоминал истории из студенческой жизни.

— Ты хорошо знаешь Басина? — спрашивал он. — Умнейший человек. Никто не знает, сколько институтов он кончил. По одним сведениям семь, по другим

— одиннадцать.

— В том-то и дело, — со вздохом сказал Верблюд. — Он гений, у него стальная воля, и он настоящий теоретик. Он ничего не делает наполовину. А у меня только здоровье идеальное. Все остальное — так себе. Я и тебя заставил жечь машину зря. Ведь если бы что-то вышло, ты бы не молчал, верно?

— Д-да, — нехотя сказал Базиола.

— Вот видишь... А ты еще спрашивал, почему я не теоретик, — заключил Яворский.

Базиола промолчал. Его поразили этот неожиданный переход от стопроцентной уверенности к полному самоуничтожению. Ему даже расхотелось доказывать, что рациональное зерно есть, но оно глубоко, до него нелегко добраться, ведь речь идет о звездах-машинах, и расчет, даже при эвристических программах, мало чем поможет. Думать надо, думать и думать. Базиола молчал. Он видел, что думать об этом Яворский больше не станет.

4

— Дальше? — сказал Надеин.

— Дальше... Вот вы, Андрей, говорите, что смысл жизни Яворского — генерировать идеи. Это так, но все гораздо сложнее. Он легко выдумывал новые задачи, если старые не получались. А они почти никогда не получались, потому что Верблюд панически боялся неудач и не верил в свои способности. При неудаче он и не пытался найти ошибку, он просто выдумывал новую задачу и делал это удивительно легко.

Верблюд выдумывал задачу за задачей и решал их сам, изредка обращался за помощью к старшекурсникам, и никогда — к людям поопытнее. Выводы его были красивы, идеи интересны, хотя и несколько фантастичны, но он не знал, что с ними делать. Иногда на страницах студенческого бюллетеня появлялись его заметки. Идея за идеей — без выводов и следствий. Ким всех приучил к тому, что его идеи несерьезны, мы привыкли относиться к ним как к занимательному отдыху от занятий, практикумов, тренировок. Даже когда задержали отлет «Корсара», когда Яворский неожиданно стал классиком, даже тогда я не очень верил, что его идеи могут ожить...

— Любопытно... — протянул Надеин. — Но вы, Джузеппе, только подтверждаете мою версию. Разлад между мыслью и делом. Он неизбежен у людей подобного типа. Однако я убежден, что мечтатель всегда человек действия. Потенциально. Существует, к сожалению, предел дальности мечты. Предел фантазии, переступив который мечтатель лишает себя возможности действовать. Он ведь втиснут в рамки общественного поведения. Общество наше четко запрограммировано. Каждый из нас обладает множеством степеней свободы, данных нам коммунизмом, но ведь каждая степень нашей личной свободы ограничена. Вспомните Грина. Его мечтатели — тоже люди действия, но это люди с практически неограниченной свободой поступков. Идеал в этом смысле — Батль из рассказа «Пришел и ушел». Пришел и ушел, Джузеппе. Сказано очень точно. В вымышленной стране это

возможно. На деле, особенно в наше время, нет. Вы сохраняете то, что порождает мечту, — идеи. Все остальное подспудно, потому что у вас есть долг перед людьми, и потому жажда деятельности у мечтателей типа Яворского не может разрешиться так же просто, как у Грина, — пришел и ушел.

— Яворский не Батль, — хмуро сказал Базиола. — Надо было знать Верблюда...

— А вы уверены, что знали его? — запальчиво возразил Надеин. — Вы знали Яворского по институту, а потом? Как менялся его характер? На Росс-154 Яворский узнал о Лонгине. Это, заметьте, первая возможность поверить в себя, в свою мечту. Первая, а может быть, и последняя. Вы уверены, что Яворский не стал бы спешить, не захотел бы стать участником экспедиции на «Корсаре»?

— Я уже говорил вам... — начал Базиола.

— Что он вряд ли успел бы к отлету, — перебил драматург. — Это не существенно. Я пишу пьесу, и здесь важен характер, его эволюция.

— А мне важен Верблюд, — возразил Базиола. — Я принял его гибель как нелепую случайность. Теперь я в этом не уверен. Из-за вас, Андрей. Но тогда давайте говорить серьезно. Я убежден, что Верблюд не пошел бы на верную гибель, форсируя работу генераторов. В институте его осторожность стала поговоркой. Мы и поругались из-за нее — в первый и последний раз. Это было, когда я защитил дипломную работу и попросился на дальнюю станцию...

5

После защиты Базиола попросился куда-нибудь подальше от Земли, просто потому, что раньше редко летал в дальний космос и теперь хотел побывать на переднем крае — в звездной экспедиции. Но его оставили на Луне в отделе траекторных расчетов. Базиола был связан со звездными экспедициями тем, что рассчитывал для них оптимальные маршруты. До Земли было рукой подать, и Базиола ворчал. В те дни он впервые увидел. Что улыбка Яворского может быть не только виноватой, но и снисходительной.

— Не понимаю, чего ты хочешь, — заявил Верблюд. — Ты кибернетик, а искусственные мозги одинаковые везде — на звездолете и на Базе. Различна лишь мера ответственности. Здесь ты отвечаешь за себя и за свою работу, и этого уже достаточно. В иных обстоятельствах тебе пришлось бы отвечать и за других людей. Возрастает риск, возрастает ответственность. В дальних звездных ты выступаешь как представитель человечества. Ты готов к этому? Ты можешь отвечать за всех?

— А ты разве не хочешь пойти в звездную? — удивленно спросил Базиола. Его не очень тронули рассуждения об ответственности, но самый факт, что пилот Яворский хочет похоронить себя на каботажных трассах, показался ему нелепым.

— Нет, — ответил Яворский и улыбнулся.

— Ты просто боишься, — безжалостно отрезал Базиола.

Яворский пожал плечами, промолчал.

— Да, — продолжал кибернетик, — и свою трусость прикрываешь словами об ответственности. А твое увлечение теорией? Ты и теоретиком стать не решаешься, потому что тогда твои идеи обрели бы плоть, а ты этого не хочешь. Ты боишься, что они покажутся людям слишком мелкими, недостойными внимания. Ты даже себя боишься. Боишься, что настанет момент, и тебе, как любому из нас, придется нарушить инструкцию, сделать что-то свое, а ты не будешь готов. Ты никогда не будешь готов к этому, потому что ты Верблюд и тебе мешает твой горб, которым ты сам себя наградил, и тебе плевать на все, что превышает меру твоей личной ответственности.

— Я очень средний пилот и очень плохой теоретик, — тихо сказал Ким, и в голосе его не было злости.

Он замолчал, а Базиола уже пожалел о своей вспышке. Ему не следовало начинать разговор, не следовало горячиться. Базиола понимал этот разлад в Яворском. Он

действительно неудачливый теоретик, и он не очень уважает свою профессию пилота. Поэтому из каждого рейса он будет стремиться домой, чтобы сесть к мнемографу и думать об очередной идее. И в каждом рейсе он будет осторожничать, потому что будет думать только о возвращении.

Базиола и Яворский сидели друг против друга нахохлившись и никогда еще не чувствовали себя более чужими.

На следующий день, перед отлетом на Луну, Базиола зашел к Яворскому. Тот готовился к экзамену, и разговор не клеился. До отлета оставался какой-нибудь час, отчуждение не исчезало. Базиола начал вспоминать первые месяцы учебы, первые идеи, и лишь тогда Верблюды оттаял, и Базиола узнал об идее галактического прожектора.

— Все просто, — небрежно говорил Ким. — Для связи с далекими цивилизациями людям не хватает мощности. Лазерная связь с трудом осуществляется даже между звездолетами. Но если природа сама создала естественный сверхмощный лазер — разве им не воспользуются?

Представь себе, Джу, планету с плотной атмосферой из чистого азота с небольшой примесью инертных газов, скажем неона. Планета находится в системе горячей звезды, излучение которой возбуждает молекулы и атомы в атмосфере. Атмосфера возбуждена, она заряжена колоссальной энергией. Каждый ее атом — мина на взводе. Достаточно слабого по величине импульса, но обязательно на определенной частоте, и вся атмосфера, вся эта масса газа как бы взорвется, почти мгновенно выдаст накопленную энергию, это будет мощный лазерный всплеск, энергетический выход которого превысит все, что сейчас доступно человечеству. Нужно отыскать такую планету, нужно подобрать «затравочную частоту», и главное — нужно закодировать в «затравочном импульсе» как можно больше информации. «Затравочный импульс» не должен быть мощным, достаточно сигнала обычного корабельного лазера, и он, как первый нейтрон в цепной реакции, вызовет такую лавину, что вспышку увидят во всей галактике, даже на самых далеких ее окраинах.

Сигнал понесется к звездам со скоростью света, то есть в пятнадцать раз медленнее сигнала бортового лазера, работающего на генераторах Кедрина. Но здесь важна не скорость, а энергетика. Отпадает, наконец, энергетическая сложность межзвездной связи, и останется лишь задача взаимопонимания разумов. Проблема, не решенная до сих пор.

6

Перед станцией стоял высеченный в скале орел. Птица расправила могучие крылья, высоко подняла клювастую голову, смотрела на восток — туда, где по утрам поднимался в бирюзовом зареве Альтаир. Птица была символом ¹, и Надеину объяснили, что она, может быть, уцелеет во время Передачи, потому что вырублена из сверхпрочных горных пород.

В распоряжении Надеина был час. Потом нужно вернуться на Базу, на этот едва заметный светлячок в темном предрассветном небе Лонгины. Драматург жадно осмотрелся. Плато Устинова было невелико, оно больше напоминало кратер потухшего марсианского вулкана или лунный цирк. Но здесь, на Лонгине, все настолько покорежено, что любая мало-мальски ровная площадка тут же получала громкое название плато. Теоретики подсчитали: Альтаир полностью заряжает атмосферу Лонгины за два с половиной года. Потом — вспышка. Начнется Передача — и в одно мгновение потекут эти скалы, на их месте вздыбятся другие, от плато останется лишь название, да еще, пожалуй, эта сугубо земная птица с сплавленными жаром крыльями. Так уже было лет шесть назад, когда на Лонгину опустился «Ахилл» и передал сообщение об открытии. Передача погубила звездолет, но сигнал достиг Земли, достиг гораздо раньше, чем сама вспышка, — ведь скорость света,

¹ Альтаир или Ат-таир (арабск.) — Летящий Орел

излучаемого бортовым лазером, в пятнадцать раз больше скорости, с которой мчится в пространстве «обычный» свет. Только через десять лет на Земле увидят в созвездии Орла отсвет далекого пожара. Двадцать тысяч солнц на мгновение осветят земную ночь — это достигнет Солнечной системы пламя гибели «Ахилла». Подобное должно было случиться с «Корсаром», со спасательной экспедицией.

«Корсар» спас Яворский. И было бы нелогично, нетеатрально давать в пьесе гибель самого Кима как игру случая. Что бы ни говорил Базиола, Яворский — герой. Он мог не успеть к отлету «Корсара», он почти наверняка не успел бы, но он не мог не попытаться. Ким был осторожен, говорит Базиола. Но тогда почему он стал пилотом? В любом, даже каботажном, рейсе возможны случайности, не предусмотренные никакими инструкциями. Железное здоровье — отговорка, которой Верблюд прикрывал свои мечты, свою жажду необычного. Он был осторожен. Верблюд, но он отлично знал: идеи остаются пустыми словами, если нет возможности действовать, нет сил достигнуть цели. И когда такая возможность появилась, мог ли Ким устоять перед соблазном увидеть собственную мечту?

Хорошо. Примем, что Яворский должен был действовать. Как? Покидая Росс-154, капитан «Геркулеса» знал об открытии планеты-лазера, знал и о том, что может не успеть к старту «Корсара». Другие люди первыми опустятся на поверхность угаданной им планеты, другие люди первыми... Другие люди...

Надеин медленно пошел прочь от станции по неровной каменистой дороге. Мысль еще не оформилась, и драматург не знал, какими словами объяснить Базиоле свою догадку. Другие люди. Люди, которые не знают истинной причины гибели «Ахилла». Люди, уходящие в *очередной* звездный поход. Яворский должен был торопиться на Землю, должен был рисковать, обязан был вернуться на планету до старта «Корсара». Не из-за себя. Из-за других. Именно так.

— Осторожнее, Андрей, — услышал Надеин в наушниках голос диспетчера.

— Справа глинистый провал.

«Беспокоятся», — подумал Надеин. Его не хотели выпускать одного, он с трудом настоял. Это была последняя возможность побывать на Лонгине, сегодня пробная Передача с отключенными лазерами, больше полетов не будет.

Тоскливая планета. Черные контуры скал, сероватый купол станции, серебристая чаша звездолета — теневой театр. Он, Надеин, не прожил бы и дня в этой каменистой неподвижности, и он не понимал восхищения, с которым говорили о пейзажах Лонгины на Базе. Нужно обладать большим зарядом бодрости, чтобы жить здесь, хвалить эти пейзажи, радоваться серым рассветам. Если бы Яворский не погиб на пути к Земле, он мог бы... На пути к Земле... Почему?

Догадка пришла в какое-то мгновение, и Надеин улыбнулся. Он знал, что это произойдет именно здесь, он остался спокоен.

— Вызовите, пожалуйста, кибернетика Базиолу с Базы, — сказал Надеин.

— Очень важно.

Драматург ждал. Ему нужно было задать Базиоле один вопрос. Обязательно Базиоле, хотя с тем же успехом можно спросить у диспетчера, у любого сотрудника станции В наушники ворвался треск помех, и голос кибернетика спросил удивленно:

— Это вы, Андрей? Что случилось?

— Пожалуйста, Джузеппе, — Надеин ускорил шаг, он почти бежал. — Я хочу знать расстояние от Альтаира до Росс-154. И сколько времени может занять полет...

— Но... — неуверенно начал Базиола.

— Семь с половиной светолет, — вмешался в разговор диспетчер. — Сто восемьдесят дней полета.

— Совершенно верно, — сказал Базиола. — Вы хотите слетать туда, посмотреть на место происшествия?

— Да нет же! — Надеин кричал, догадка его переросла в уверенность. — Яворский должен был предупредить об опасности людей, летевших на «Корсаре». И у него была такая

возможность!

— Простите, Андрей, — в голосе Базиолы звучало раздражение. — Через два часа пробная Передача. Мне некогда. Поговорим о ваших версиях потом... У вас все в порядке?

Надеин молчал. Скорее! На Базу! К мнемографу! Теперь он знает, что произошло четыре года назад в системе красной звезды Росс-154.

7

Ночь отступила. У горизонта, где выросли крутые горбы аппаратной, вспыхнули прожекторы, и в желтоватых лучах заплясали неземные снежинки.

Полчаса до старта. Яворский решил. Звездолет готов к полету. Полчаса. Они ничего не изменят — программа старта и выхода за световой барьер составлена. И все-таки Верблюды не уверен. Сидит у пульта, ждет стартового сигнала, думает.

Надеин несколько раз переделывал эту сцену, прежде чем показать ее Базиоле, — мысли капитана «Геркулеса» должны быть очень четкими, они должны убедить кибернетика.

«Ахилл» погиб. Погиб на его, Яворского, планете. Он должен был раньше доказывать свою правоту, должен был бороться за свои идеи. Убеждать: Базиолу, Басина, всех. Тогда не было бы трагедии «Ахилла», не было бы сейчас этого мучительного раздвоения, когда знаешь и не можешь решиться. И если «Корсар» тоже погибнет, виноват будет он, капитан Ким Яворский.

На Землю он почти наверняка не успеет. Перехватить звездолет, когда он летит на сверхсветовой скорости, невозможно. Остается лететь к Альтаиру. Там, на своей планете, ждать экспедицию, встретить ее, предупредить. Да, это верное решение. Но, капитан, ты же знаешь: трасса не облетана. У тебя рейсовый звездолет, капитан Яворский. И где-то в пути может подстергать неожиданное изменение режима полета, нормальное для исследовательских кораблей, но не предусмотренное в обычных рейсах. Мало ли что: магнитные ловушки, нейтронные звезды, пылевые облака. Подумай, Верблюды.

Еще раз: успеть на Землю — ничтожное количество шансов из ста. Но безопасно. Вероятность же погибнуть на пути к Альтаиру — половина. Через сто восемьдесят дней «Геркулес» будет на Лонгине. На Земле в это время только закончится подготовка к старту «Корсара». Сколько же придется ждать? Оптимально — четыреста тридцать дней. Год и два месяца. Вести наблюдения, экономить энергию, потом сигнализировать на полную мощность бортовых радиосредств. Для радиоволн атмосфера Лонгины должна быть безопасной.

Может быть, есть иной выход?

Нет.

Сейчас старт.

Затмение. И сразу последняя картина пьесы: Яворский на Лонгине.

Скалы были серыми и в полдень казались зеркальными. Будто осколки колоссального зеркала хаотически легли на поверхность планеты. Из космоса это выглядело красиво: мраморные блестки в мутном зеленоватом хаосе.

Сегодня четыреста шестьдесят дней, как «Геркулес» вынырнул без происшествий из-за светового барьера, и Яворский увидел цель полета. У Альтаира была только одна большая планета — Лонгина. Великое множество мелких планетоидов, но Лонгина одна, и Яворский вывел звездолет на орбиту ее спутника. Он хорошо использовал год ожидания. Трижды садился на планету, побывал на семи астероидах. Два месяца назад Яворский послал в направлении Солнечной системы первый сигнал. Потом он передавал непрерывно, тратил уйму энергии, которую не успевали восполнять реакторы и солнечные батареи. «Корсар» молчал. Миновал день его прилета. Прошла неделя, месяц.

Яворский один, на многие тысячи километров вокруг лишь скалы и солнце, и что-то случилось, что-то очень неприятное. Яворскому легко подсчитать: если он будет тратить на передачу столько же энергии, сколько сейчас, то через три недели он не сможет взлететь с

Лонгины, через три месяца не будет энергии для вездехода. Придется запереться в «Геркулесе» и ждать помощи.

Яворский ведет передачи раз в сутки, сначала по часу, потом несколько минут. Его должны услышать, должны найти, иначе произойдет непоправимое.

Каково это — жить на mine? Знать, что каждую минуту можешь стать облаком газа, и даже памяти о тебе не останется, потому что никто не знает, что в одной из каменистых впадин Лонгины стоит земной звездолет. Энергии все меньше. Яворский старается не думать об этом, нужно сигналить, и он сигналил. Неделю. Месяц. Год. Все спокойно на Лонгине.

Яворский нашел неподалеку от «Геркулеса» глубокую пропасть, спустился в нее, бродил по пещерам и склепам, где оплавленные нагромождения камней напоминали фигуры людей, дома, корабли. Здесь был свой мир, неподвижный, но не вечный. Мина на взводе.

Яворский назвал пещеры Эрмитажем, он находил здесь собор Парижской богородицы, и Нику Самофракийскую, власовских Марсиан и роденовского Мыслителя. Мыслитель сидел, подперев кулаком одну из своих голов, это был Мыслитель с другой планеты, и мысли у него были странные: он был скептиком. «Корсар» не придет, убеждал он Яворского, ведь прошел год, целый год! Конечно, экспедицию отменили. А ты, человек, зря спешил, зря рисковал, зря тратил энергию. Рейсовый корабль не для подобных передрыг. Пришел и ушел. Это просто в гриновском мире. Ты пришел. Верблюд, вот она — Лонгина. А как ты уйдешь? Уйдешь ли?

«Полет не могли отменить, — отвечал Яворский, — я должен продержаться. Должен сигналить».

Мыслитель усмехался, все три его головы нелепо раскачивались из стороны в сторону...

Через полтора года передатчик умолк. Реактор умирал, а каменистая пустыня была негодным заменителем для обогащенного фермия. Солнечные батареи давали кораблю жизнь и тепло, но обрекали его на молчание.

Яворский стал вспоминать старинные способы сигнализации. Минимум энергии, минимум информации — костры, искровые разряды — тихий всплеск в грохоте радиопомех...

Однажды высоко над горизонтом появилась звездочка. Она проплыла по небу и исчезла в серой дымке. Яворский ждал ее появления следующим вечером, но увидел опять лишь через неделю — звездочка медленно двигалась к зениту, а потом вниз, на северо-восток. Яворский успел замерить ее координаты и скорость, рассчитал траекторию. Звезда была спутником Лонгины, новым спутником со странной полярной орбитой, и Яворский понял, что это корабль. «Корсар». Потом он видел и другие звездочки, они двигались очень быстро, и Яворский не успевал поймать их в прицел телескопа.

Он сигналил. Разряды, химические реакции с выходом пламени, даже окраска скал. Напрасно. Обнаружить слабые призывы можно было, лишь твердо зная, что и где искать. Люди на «Корсаре» этого не знали.

Яворский ждал. В любую минуту «Корсар» мог пойти на посадку, начать передачу на Землю. В любую минуту он мог вспыхнуть, сгореть вместе с атмосферой, скалами и «Геркулесом».

Передатчик молчал, но в приемнике среди невообразимого хаоса помех Яворский как-то слышал обрывок музыкальной фразы и голос. Он не успел разобрать слова, передача была направленной, а луч прошел мимо. Но теперь Яворский был спокоен. Люди используют радио. Значит, они знают об опасности лазерных передач. Теперь можно ждать.

Мыслитель, с которым Яворский поделился своей радостью, промолчал. Недавний подземный толчок лишил его двух голов и кулака, и теперь он казался беспомощным, он не хотел думать, не хотел радоваться. Больше Яворский не приходил к нему.

Базиола улыбался. У кибернетика было отличное настроение. Только что прошла пробная Передача, аппаратура сработала нормально, и программа, составленная сотрудниками Базиолы, хороша. Она состоит из трех частей: курса космолингвистики, описания современного состояния земной науки, и очерков земной истории. Через пять дней, ровно в десять ноль-ноль, автоматы включат лазер на плато Устинова, и в долю секунды азотно-неоновая атмосфера Лонгины станет горящим факелом, несущим к звездам мысль людей.

Теперь можно отдохнуть. Подумать. Не отрывочно, а серьезно подумать о том, что внесла в историю Лонгины пьеса Надеина. Ее новый финал. Дикая на первый взгляд идея — Яворский на Лонгине. Однако Надеин успел поверить своей фантазии. Вот он ходит по комнате, горячо жестикулирует, доказывает, убеждает.

На драматурга пробная Передача не произвела впечатления. То ли потому, что она действительно была не эффектна: дробный перестук метронома, красная вспышка индикатора — все. То ли потому, что Надеин думал теперь о предстоящей Передаче с некоторым страхом. Минуты, когда он писал новый финал, были счастливыми минутами, но они принесли за собой сомнение. Драматург не видел противоречий в своей версии. Более того, он знал, что так должно было быть. Четкая логическая цепочка, и замыкается она на Лонгине. Передача может стать гибелью для Яворского. Надеин ничего не может доказать, пьеса не документ, но если Передача состоится, если не будет сделано ничего, чтобы отыскать «Геркулес», он, Надеин, будет считать себя виновником смерти Верблюда. Возможно, это только разыгравшаяся фантазия, но где тогда факты, говорящие против?

— Факты? — Базиола пожал плечами. — Только один, и он разбивает все ваше очень логичное построение. Звездолет, даже рейсовый и не рассчитанный на дальний поиск, обладает гораздо большими энергетическими возможностями, чем вы думаете. Полет к Альтаиру не исчерпывает запасов, их хватит на годы непрерывной передачи.

— Яворский не сидел на месте. Он летал. Исследовал Лонгину, астероиды.

— Не думаю, — усмехнулся Базиола. — Если его цель — дождаться людей, он не станет рисковать. Не станет летать, если не будет уверен, что у него хватит энергии.

— Хорошо, — с досадой сказал Надеин. — Какие основания были у Яворского придерживаться жесткой экономии? Разве раньше задерживали отлет звездных экспедиций? Случай с «Корсаром» — особый. Напротив, поскольку речь шла о помощи «Ахиллу», то «Корсар» должен был спешить!

— Пожалуй, — согласился Базиола.

— Давайте думать, Джузеппе, — сказал Надеин почти просительным тоном.

— Я ведь не предлагаю истин. Давайте думать.

— Я думаю, — Базиола улыбался. Этот драматург увяз в своей версии. Она логична, но неувязка с энергией ее убьет. Катастрофическая утечка энергии могла произойти только в одном случае, совершенно не оправданном...

— В каком случае, Джузеппе?

— Яворский должен был лишний раз пересечь световой барьер. Дополнительный разгон и торможение. Но у Верблюда не было необходимости в таком маневре.

— А если наоборот — торможение и разгон?

— Какая разница? — сказал Базиола. — В обоих случаях это неоправданно, нелогично.

Надеин промолчал. Он прав, этот кибернетик, но будь он трижды прав, Надеин теперь не может поверить в гибель «Геркулеса». Нужно подумать. Допустить, что Верблюд на пути к Альтаиру дважды пересек световой барьер. Зачем?

— Если хотите, — предложил Базиола, — я проверю на машине. Пересчитаю все варианты. Для этого нужно время, но машины свободны, по крайней мере до Передачи.

— Да, — без энтузиазма согласился Надеин. — Посчитайте.

Они вышли вместе. Надеин пошел на смотровую палубу, Базиола что-то говорил ему о вероятностях, и драматургу казалось, что кибернетика интересовал самый процесс расчета, а вовсе не результат. Разные полюса, подумал он. Базиола хочет проследить путь Кима с

начала, не задаваясь конечным результатом. Что ж, это логично, Базиола ученый. А он — драматург, и он идет с конца, он знает, что произошло на самом деле, и должен доказать это. Что легче? Нет, что вернее?

На смотровой палубе было пусто и тихо. Надеин прижался лбом к холодному иллюминатору, смотрел на звезды, видел — «Геркулес» туманным облачком появляется в черноте пространства. Смолкают генераторы Кедрина, до цели еще далеко, но Яворский тормозит, у него своя цель...

9

По расчетам это должно было произойти в начале пятого месяца полета. Временем Яворский располагал в избытке, и он несколько раз проверил исходные цифры. Он рассчитал момент с точностью до секунды, поставил программу перехода в субсветовую область и даже ввел программу в машину, но пусковая кнопка оставалась в нейтральном положении.

Драматург намеренно усилил нажим в новой сцене. Все противоречия в характере Кима — романтизм и точный расчет, смелость и нерешительность — приходили сейчас в столкновение.

В сущности, маневр был необходим. Трасса не облетана, и лучше пожертвовать частью горючего, провести в полете оптическую разведку, чем рисковать неожиданным попаданием в поле тяжести нейтронной звезды или в пылевое облако.

Все это верно. Необходима разведка трассы — Яворский повторял это себе сотни раз на день. Он выбрал момент: пятый месяц полета, потому что (Верблюд заставлял себя не думать об этом) истинной причиной торможения была не разведка. Яворский размышлял, и желание увидеть *это становилось все больше*.

Яворский решился на маневр в самый последний момент. Еще сутки — и тормозить было бы поздно. «Геркулес» вышел из сверхсветовой области, и сипловатый гул генераторов Кедрина утих, будто задавленный неожиданно навалившейся на корабль звездной чернотой. Альтаир светился впереди, белый и ослепительно красивый, он был далеко — два световых года. Яворский привел в готовность астрономические инструменты, даже кварковый счетчик, хотя и не думал, что взрыв атмосферы Лонгины мог породить кварковые потоки.

Это случилось в точно предсказанный момент. Яворский полулежал у обзорного экрана, от усталости у него слезились глаза. Он чуть наклонил голову, на мгновение прикрыл ладонью лицо, а когда вновь посмотрел перед собой, экран был слеп. Фиолетовое пламя билось в звездном море. Это не было пламя Альтаира. Казалось, оно отливает всеми цветами, которые, сталкиваясь в феерической вакханалии, порождают фиолетовое сияние.

Секунда — и на экраны вернулась чернота. Альтаир голубоватой блеской засиял впереди, теперь он казался близким, два световых года, меньше двух месяцев полета, совсем рядом.

Яворский долго сидел неподвижно, закрыв глаза рукой, вспоминал, улыбался. Двадцать тысяч солнц, Лонгина, его планета.

Автоматы провели траекторные измерения, «Геркулес» ушел в сверхсветовую область, экраны погасли, и Яворский включил дешифраторы. Зазвучала человеческая речь, низкий голос Бориса Пустынина, командира исследовательского звездолета «Ахилл». Яворский слушал сообщение стоя, он знал его наизусть, он слышал его на Росс-154, помнил, на каком слове оно обрывается, но то сообщение, принятое станциями сложения на Земле, было только сигналом маломощного корабельного лазера, а это — голос планеты. Двадцать тысяч солнц, бережно несущие к окраинам галактики рассказ человека, открывшего Лонгину:

«Звездолет вышел к Альтаиру в семь-три мирового года. Экипаж здоров. Открыто одиннадцать небесных тел, среди которых одна большая планета. Радиус ее равен земному, расстояние от Альтаира полторы астрономических единицы. Планету нарекли Лонгиной, по имени нашего астронома...»

— Мне всегда претили решения, навязанные машиной, — хмуро сказал Надеин. — Что, если вероятность окажется мала, поиска не будет, а Яворский все же на Лонгине?

— Не надо гадать. — Базиола быстрыми шагами ходил по комнате, поглядывал на драматурга, ждал.

— Не вы ли, — горячился Надеин, — час назад утверждали, что в новой версии нет противоречий?

— Внутренне она непротиворечива, — согласился Базиола. — Но не будем спешить с выводами. Минуту терпения, Андрей.

Надеин терпел. Он полулежал в кресле кибернетика, смотрел на рисунок над иллюминатором. Ярко-желтый песок пустыни и синие горы — безвкусица. Надеин не повернулся к голоскопу, когда прозвучал вызов, не слышал, с кем и о чем говорил Базиола. Кибернетик вырос перед драматургом торжествующий, широкие его брови были похожи на крылья Летящего Орла, нос казался клювом.

— Тридцать два процента, — заявил Базиола. — Вот вероятность того, что Ким на Лонгине.

— И только-то, — Надеин разочарованно отвернулся. — Тридцать два процента. Машины не ошибаются. Искать человека на планете — миллиарды квадратных километров — бессмысленно. Что важнее — человек или Передача? О чем еще говорит кибернетик?

— Да поймите же, это много — тридцать два процента. Это выше случайных ошибок. Об этом уже можно говорить серьезно.

«Так будут искать! — подумал Надеин, еще не вполне веря. — Верблюды вернутся. Другой Верблюд, узнавший цену себе и своим открытиям. Он никуда больше не полетит, останется на Земле — работать. У него будет очень сложная работа: думать, идти на шаг впереди других, указывать путь. Только бы его нашли!»

А сейчас они пойдут к Джошуа и потребуют созыва Совета.

Надеин остался на смотровой палубе. Базиола пригласил его в пост. Там, на экранах, связанных со звездолетами, можно будет следить за ходом поиска. Надеин не пошел. Стоял, смотрел в черноту, где не видно было звезд и едва заметно светился за экранами светофильтров диск Лонгины. Фильтры приготовили для Передачи. Их придется убрать, если Передачу отложат.

Там, внизу, не только Яворский. Внизу остался Летящий Орел. Он переживет Передачу. И эту и следующие. «Маяк должен вспыхнуть», — сказал Базиола. — «Маяки, — поправил Надеин. — Лонгина и те десятки и сотни планет, освещенных голубыми солнцами, к которым люди придут завтра».

Они — одно. Капитан Ким Яворский и Летящий Орел на Лонгине. Надеин видит, чувствует их связь. Видит начало пьесы: каменная птица на фоне бирюзовой зари. Молчаливо и требовательно смотрит она на встающее из-за горизонта голубое светило. Каменные крылья неподвижны, клюв поднят вверх, острые когти царапают скалу. Первый луч Альтаира касается Летящего Орла, возвещая наступление нового дня.

Это сигнал.

Маяк должен вспыхнуть.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)